ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Алексей БОРИСОВ
заведующий кафедрой ЮНЕСКО МГИМО МИД России, кандидат политических наук

Анализируя сферу прав человека, можно многое узнать о степени развитости гражданского общества и правового государства, о том месте и той роли, которую в политической системе играет отдельная личность. Эта тема становится тем более актуальной, что современная политическая наука выводит отдельную личность за рамки субъектности в политике, закрепляя роль действующего субъекта за властными структурами, роль объекта – за обществом, а роль передачи информации от субъекта к объекту – за средствами массовой информации (СМИ) [1].

Однако права и свободы человека – это именно тот самый ценностный ориентир, по которому можно определить тип цивилизации, этапы ее развития, поскольку отношения человека и государства – важнейший признак, характеризующий природу цивилизации в целом. Уровень развития прав и свобод человека также возможно использовать как критерий определения правового или неправового государства.

В этой связи чрезвычайно важной видится постановка вопроса о государственной политике в отношении выработки механизма защиты, реализации прав человека. Права человека как основа, базовый концепт политики государства предполагает не столько наличие определенных компонентов, декларирующих существование механизма реализации прав и свобод, сколько выработку системных действий по вовлечению разных субъектов властных отношений, равно как и объектов воздействия власти в единое правовое поле, создание условий для полноценного диалога, выявление проблемно-болевых точек в механизме реализации прав человека. Для этого необходимо, с нашей точки зрения, переосмыслить некоторые концептуальные понятия.

Традиционно политика трактуется как система действий по захвату, удержанию и перераспределению власти. Принимая за константу права человека как базовый концепт государственной политики любого демократического государства на современном этапе, мы видим, что переосмыслению должен подвергаться каждый компонент. Так, если за властным субъектом «закреплена» функция по распределению властных полномочий, то каким образом в существующий порядок вписывается такой концепт как права человека? Само понятие «политика в отношении прав человека» в этом случае оказывается ущербным, поскольку права человека присущи самому индивиду, на которого направлена политика власти. Отсюда закономерные вопросы: правильно ли понимает власть потребности индивида? Не основывается ли политика властных структур на упрощенно-усредненном понимании мотивов поведения граждан? Есть ли в государстве действенный механизм обратной связи с населением? В какой степени можно ему доверять?

Необходимо осмыслить и саму категорию «права человека». Очевидно: на каждом конкретном отрезке истории это явление подвергалось новому осмыслению. Кроме того, необходимо четкое понимание, почему именно права человека становятся базовым компонентом политики современного государства? Это не праздный вопрос, учитывая, что в современных условиях политический процесс перенесен в сферу информационную, где механизм обратной связи власти и населения является предметом отдельного научного поиска: обсуждение проблем в интернет-блогах, твиттерах, возможность обратиться в электронную приемную, организованную чиновниками разного уровня, сводит в едином информационном пространстве субъекты и объекты власти, делая прозрачной границу между ними.

Однако возникает закономерный вопрос: как себя ощущает человек, на практике осуществляющий свои права? Безупречен ли этот механизм реализации, созданный властью?

Исследователи справедливо отмечают, что в современном мире политический процесс отличается следующими чертами: революционными преобразованиями в сфере коммуникаций, становлением информационного общества, радикальными изменениями политической среды под воздействием глобализации, возрастанием степени неопределенности в политике, изменением характера политической активности людей, возрастанием рисков в политике, ослаблением суверенитета национальных государств, изменением облика и назначения политических партий, визуализацией политики и т. д. [2]. Все это приводит к тому, что характер отстаивания собственных прав у человека меняется.

С одной стороны, сохраняются групповые формы участия в политике. Это объяснимо с тех позиций, что некоторые права тяжело или невозможно отстаивать в иной форме. Так, глобализация обнажила проблемы в области межкультурной коммуникации, экологии, внутренней и внешней безопасности. Это та группа прав и свобод, которая менее всего предполагает участие в процессе отстаивания прав отдельного индивида. С другой стороны, формирование традиционной общности мышления в рамках группы, которую политологи мыслят как закономерную единицу, субъект гражданского общества, становится затрудненным. Это происходит потому, что современный человек вовлечен в огромное множество социальных взаимодействий, и следовать большому числу традиций, требований для него сложно. В результате наблюдается противоположная тенденция: человек вообще не следует никаким нормам и ценностям, выдвигаемым группами, а уходит от участия в коллективной деятельности. Этому способствуют социальные сети, в которых создается видимость участия в коллективной деятельности, при этом с сохранением автономии [2, с. 26].

В этом отношении, с нашей точки зрения, важно не просто констатировать, что отдельный субъект политики оказывается на современном этапе в «ловушке» выделенных тенденций, но необходимо проследить, как он реализует механизм отстаивания собственных прав и свобод. Для этого следует ввести некий показатель, который способен дать оценку того, как отдельный человек ощущает себя внутри того правового механизма, который создается властными структурами. Для этого можно обратить внимание на такой показатель, как социальное самочувствие населения.

Социологи приводят такие данные: 28,9% опрошенных чувствуют себя незащищенными от разного рода опасностей, 22,6% незащищены от преследований по политическим убеждениям, 51% не защищены от произвола правоохранительных органов, 58,6% – от произвола чиновников, 59,9% – от бедности [3, с. 345]. Опрос проводился на Южном Урале. Это тем более интересно и показательно, что Челябинская область является, по признанию органов власти, «точной копией России» как в отношении национальной составляющей субъекта, так и по многообразию видов деятельности, что вызывает интерес исследователей разных направлений [4].

Таким образом, становится очевидным: реализация собственных прав, борьба за них для отдельного гражданина на современном этапе развития социально-политических отношений не может характеризоваться как успешная, поскольку сам индивид не ощущает себя в комфорте, безопасности, и как следствие – его социальное самочувствие не может быть охарактеризовано как удовлетворительное. В связи с этим возникает сомнение в полноценности механизма реализации прав человека, созданного властными структурами. В этом случае следует определить, реализация каких прав положительно повлияет на состояние социального самочувствия населения, кто инициирует эти процессы и что должен предпринимать сам индивид как базовый элемент государства [5, 6].

Опасность здесь заключается в упрощенном, традиционном понимании процесса: власть формулирует содержание политики в области реализации прав человека, СМИ ретранслируют ее интенции, население воспринимает решения как догму. Политике в целом присущ элемент абстракции, усредненного понимания действительности, мотивов и механизмов поведения участников политических взаимоотношений. Но политика государства, направленная на реализацию прав человека, является исключением. Важнейший показатель, по которому можно отследить, насколько политика государства успешна, – это уровень ощущения населением безопасности, уверенности в завтрашнем дне.

В этой связи особенно важной видится роль властных структур. Она заключается не в том, чтобы вырабатывать в соответствии с собственными представлениями механизмы реализации прав человека. В этом случае они будут традиционно восприниматься населением как властная воля, навязывающая формы и методы поведения «сверху». Властные структуры могут действовать иначе: формируя условия для проявления инициативы «снизу».

Это трудоемкая задача, требующая и глубокого понимания ситуации, и политической дальновидности. Прежде всего важно создание стимулов для такой инициативы. Престижность знаний в области защиты собственных прав, осознание выгод от способности их защитить, положительное изменение качества жизни в результате реализации своих прав – вот те основные, ключевые позиции, которые могут сделать процесс осознания и реализации собственных прав привлекательным для населения. И именно в пропаганде этих ценностей властные структуры и должны занимать позицию ведущего субъекта. Только человек, по-настоящему мотивированный на защиту собственных прав, способен вдумчиво оценить и скорректировать в случае необходимости политику государства в этом отношении, а также, что немаловажно, создать качественный запрос на проведение определенной политики в обществе.

В этой связи рассуждение о сущности политики и ее субъектах, средствах продвижения властной воли выводит нас на качественно новый уровень понимания проблемы. Права человека – это ценностный ориентир, позволяющий применять «человеческое измерение» не только к государству, праву, закону, но и к гражданскому обществу. Осознанные им, принятые как «свои», они способны сделать из индивида полноценного субъекта политики. Это даст ему возможность участвовать в управлении государством (при условии создания властными структурами качественного механизма обмена мнениями разных субъектов политики: групповых, институциональных, индивидуальных) и дистанцироваться от него, самоопределяться в различных сферах частной жизни. Только такое взаимодействие, по нашему мнению, способно защитить нарождающееся гражданское общество от поглощения государством, а значит, сохранить активное население как необходимый компонент государства.

Литература

1. Политология в схемах и комментариях: учеб. пособие / под ред. А.С. Тургаева, А.Е. Хренова. СПб.: Питер, 2005.
2. *Демидов А.И.* Политика в изменяющемся мире // Вестник Саратовской академии права. 2010. № 2(72). С. 21-30.
3. *Терещук Е.А.* Социальное самочувствие населения Челябинской области // Повышение эффективности государственного и муниципального управления: опыт, проблемы, перспективы: Материалы восьмой Всероссийской научно-практической конференции (Челябинск, 28 октября 2011 года). С. 344-353.
4. Доклад председателя комитета по взаимодействию с общественными, религиозными и национально-культурными объединениями И.И. Аносова на заседании коллегии при Главном управлении по делам печати и массовых коммуникаций Челябинской области «О роли институтов гражданского общества в системе профилактики проявлений экстремизма». URL: http://www.smi74.ru
5. *Панарин А.С.* Политология. О мире политики на Востоке и на Западе: Учеб. пособие для средних учебных заведений. М.: «Книжный дом «Университет», 1999.
6. Политология: История политических учений; Политическая власть; Политические система и институты; Политическая культура и др.: Хрестоматия / сост. Б.А. Исаев, А.С. Тургаев, А.Е. Хренов. СПб: Питер, 2006.

НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНЫЙ ОРГАН ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Николай ПАУК

аспирант кафедры экономики и финансов общественного сектора РАНХиГС

По оценкам Администрации Президента РФ, в течение 2010 г. российская экономика потеряла 1 трлн рублей только на коррупционных государственных контрактах [1]. Эксперты обращают внимание на то, что, несмотря на программы по борьбе с коррупцией, показатели ее уровня в России за 2011 г. не претерпели значительных изменений.

Как явствует из доклада пресс-службы «Transparency International – Россия», в Индексе восприятия коррупции в 2011 г. Россия набрала 2,4 балла и заняла 143-е место из 183. Рядом находятся наиболее отсталые страны Африки (Конго, Гвинея-Бисау), Папуа –Новая Гвинея и Таджикистан. Transparency International признала Россию самой коррумпированной страной среди ведущих стран мира, входящих в «Большую двадцатку». Наши коллеги по БРИК – Бразилия, Китай, Индия (69-е, 78-е и 87-е места соответственно) – выглядят намного лучше [2].

По словам координатора программ Transparency International по странам СНГ и Монголии С. Савицкой, новые антикоррупционные законы привели к росту размера взяток в России [3]. Н.П. Патрушев выявил следующую негативную тенденцию: за годы реформ представители криминальных кругов, используя внутреннюю нестабильность государства, вызванную переустройством национального хозяйства, активно проникают в органы государственной власти и предпринимают попытки установить контроль над национальной экономикой. Это не только стало мощным фактором подрыва национальной безопасности российского государства, но и оказало влияние на международную безопасность в целом [4].

Результаты исследований Фонда «ИН-